

V
ПЕСНЯ.
ДОРОГА В НИКУДА
И БЕСКОНЕЧНАЯ ЗМЕЯ

Скачка в кромешной тьме тоннеля верхом на медведе, крупнее которого свет не видывал, дело непростое. Приходилось крепко держаться за шкуру, чтобы не упасть: трясло-то будь здоров! Особенно если Умбертус взмывал в воздух, преодолевая скалы, ущелья и непроходимые заросли. Когда медведь через что-нибудь перепрыгивал, из пасти его вырывалось короткое сосредоточенное рычание. А потом он поднимал морду и, по-прежнему глядя перед собой, спрашивал:

— Вы там как? Ничего?

— Нормально, — хором отвечали дети.

— Значит, оба на месте? Отлично!

И не опускал морду, пока дети не отзовутся.

Время от времени их задевали лианы, свисавшие древесные корни или упругая паутина. Один раз они почувствовали, как чей-то холодный мокрый хвост ласково пощекотал им подбородки.

Тау и Майя не удержались и захихикали.

— Не пугайтесь, — подбадривал их медведь на полном скаку, — это Кассандра, змея-предсказательница. Голова у неё снаружи, а хвост внутри. Кассандра всему лесу сообщает о том, что вы здесь. Но никто не обращает на неё внимания.

— Почему?

— В молодости она проглотила лисёнка: обманом заманила к себе в пасть. Пообещала, что внутри лисёнок найдёт булочку с ветчиной. Наказать её решили тем, что перестали её слушать. В первое время было сложновато, но потом мы привыкли. Закричи она: «Пожар, пожар!» — всё равно никто не поверит, даже если увидит дым.

— Зачем же она предсказывает? — удивился Тау.

— Она уверена, что это её прямая обязанность. А с другой стороны — кто знает? — вдруг в один прекрасный день все поймут, что она не врёт, прислушаются к ней и узнают нечто важное.

— Такое впечатление, что ты, Умбертус, ей веришь, — улыбнулась Майя.

Ничего не ответив, медведь опустил морду, и дети поняли, что он улыбается.

Наконец впереди показалась большая отвесная скала. Тьму тоннеля рассеивали скудные лучи лунного света: должно быть, они просачивались сквозь звериную нору или отверстие, проделанное каким-нибудь мощным корнем.словно огонёк свечи, они заливали поверхность скалы мягким таинственным светом. Дети увидели, что её покрывают загадочные письмена, похожие на те, что были на стенках колодца.

Медведь пригнулся, чтобы дети слезли на землю, а затем подошёл к скале. Что-то тихонько прорычал, и перед ним бесшумно открылась дверь.

— Даже не скрипнула, — прошептала Майя.

— Это самая стеснительная дверь, которую я встречал в своей жизни, — улыбнулся медведь Умбертус.

— А как ты её открыл?

— Прошептал своё имя.

— «Медведь Умбертус»?

— Нет, другое. Моё имя на сером медвежачьем — так называется язык серых медведей. Если вы скажете ей ваши имена, она послушается и вас. Запомните хорошенько и ни за что на свете не забывайте это правило.

Осмотрев скалу, медведь показал следы какого-то ископаемого животного. Они располагались как раз на высоте детского носа. Сразу стало понятно, какой древней была эта горная порода. Через открывшуюся дверь Умбертус и дети прошли в густой тёмный лес.

— А если кто-нибудь подойдёт к скале и назовёт своё имя случайно? — не унимался Тау.

— Так не бывает, — усмехнулся медведь. — Вы можете себе представить, чтобы кто-то разговаривал со скалой случайно?

Майя и Тау переглянулись.

— Наш дедушка запросто.

Медведь покосился на детей, будто что-то припоминая.

— Ваш дедушка? Ах да, юный Друс! — Он задрал голову, глянул на небо и вздохнул. — Конечно, я его помню. А ну-ка, подождите, дети. Пора сообщить Дядюшке Дубу, что мы на месте.

Медведь встал на задние лапы и так вытянул шею, что казалось, голова его затеряется среди звёзд.

Затем он выпрямил гигантское тело и вновь заревел: на сей раз его могучий рык был подобен грому. Стая гусей, которая в это время как раз пересекала белый диск луны, приветливо загоготала в ответ. А луна смущённо прикрылась серебристым облачком.

Но вскоре птицы умолкли. И тогда дети впервые в жизни услышали голос Дядюшки Дуба.

Нежный и глубокий, громкий, но приятный, как прикосновение бархата, голос этот тихонько напевал песенку, полную ликования и радости:

То-реа-дор, сме-лее в бой...

То-реа-дор, то-реа-дор!

— Приве-е-ет, Умбертус, — добавил он. —
Отпусти детей. Пусть идут ко мне сами.

И снова:

Час нас-тал... в бой сме-лей!

Листья на деревьях задрожали и зашелестели, хотя никакого ветра не было и в помине. Голос наполнял собой весь лес, как вышедший из берегов океан. Медведь блаженно закрыл глаза. Ночные животные тоже притихли. Луна сияла в небе в полную силу, заливая всё вокруг пронзительным ясным светом. Детям даже показалось, что наступил день.

— Это он, Дядюшка Дуб, — сказал Умбертус. По сравнению с голосищем исполинского дерева медвежий голос казался тоненьким и слабым. — Дальше пойдёте одни.

— Как это одни? — возмутилась Майя. —
Кругом же лес!

— Ничего страшного, там впереди дорога.

— Дорога? А куда она ведёт?

— Никуда. Точнее, куда хочешь, туда и приведёт, — ответил медведь. — Прощайте! Надеюсь, ещё увидимся. Я всех предупрежу, чтобы вам помогали, р-р-р-р. — И медведь улыбнулся.

— Умбертус, постой, Умбертус! — вскрикнул Тау, кинувшись к нему.

— Ря-а-авк! — рыкнул медведь и скрылся в чаще.

Луна, которая тоже хотела поучаствовать в происходящем, высветила дорожку среди непроглядного леса. Дорожка была такой белой, что казалась протоптанной в снегу. Слово «белый» начисто стёрлось из памяти Майи и Тау: для них дорожка была серебряной, как монета или звезда, отражённая в море.

— Тау, нам надо держаться за руки, — строго сказала Майя.

Интересно, куда ведёт эта незнакомая дорога? А может, это и есть та самая, о которой говорил Умбертус? Тут дети заметили, что чуть поодаль, за ежевичником, белеет ещё одна тропинка, которая тоже убегает в глубь леса.

— Что делать, Майя? — растерялся Тау. — Куда нам идти?

— Понятия не имею. Вот бы спросить у кого-то, — вздохнула Майя. — Если бы мы были в сказке, то повстречали бы говорящую сову, лису или ещё какую-нибудь зверюшку. Она бы загадала нам загадку, а потом ответила на наш вопрос. А может, просто взяла бы и показала, в какую сторону идти.

— Сова, а сова? — позвал Тау.

Майя прыснула. И брат, и сестра очень любили всякие смешные шутки.

— Куда ты ведёшь, дорога? — спросил Тау. Он это сказал нарочно, чтобы Майя ещё посмеялась.

— Я приведу тебя куда захочешь, — неожиданно услышали дети. — Такой вариант тебя устраивает?

Голос доносился из ниоткуда: не из леса, и не из пасти какого-нибудь живого существа, и не из пещеры, камня или растения. Казалось, это заговорила сама серебристая дорожная пыль.

— Ответь что-нибудь, Майя, — хихикнул Тау.
— Минутку... — Майя растерялась. — Скажи, а там впереди — что?

— А чего бы тебе хотелось? — ответила дорога как ни в чём не бывало.

— Нам нужен Дя...

— погоди, — перебил её Тау. — Вдруг нам нельзя никому про это говорить?

— Теперь уже всё равно. И потом, другого выхода у нас нет!

Тау на секундочку отбежал в сторону, туда, где среди кустов виляла узенькая тропинка, и окликнул её. Но по какой-то причине — может, уснула, а может, о чём-то задумалась или просто не умела говорить — тропинка не ответила ничего путного. «Крик-крик», — прострекотала она, как неразумный сверчок.

Тау вернулся.

— Дорога, а дорога, — продолжала Майя. — Нам нужно повидаться с Дядюшкой Дубом. Отведёшь нас к нему?

— Отведу куда скажете. Главное, правильно задайте вопрос.

И они зашагали по дорожке среди папоротника, ежевики и всяких других растений: дикой клубники, чертополоха, дрока. По сторонам темнели деревья.

— Угу, угу, — ухала в чаще сова.

— Кар-р, — вторил ей ворон, который тоже следил за Тау и Майей.

— Дорога, а дорога... — не унималась Майя. — Получается, кто угодно может прийти куда угодно?

— Не совсем. Куда угодно приходит лишь тот, кто вовремя задаёт вопрос, — ответила дорога. И издала странный звук, больше всего напоминавший хихиканье.

Едва заметные спиральки серебряной пыли завертелись вокруг детей. Эта пыль оседала на их волосах, и вскоре головы детей засеребрились и засверкали. Тау и Майе снова стало смешно. Со стороны они напоминали светлячков, маячок скорой помощи... да мало ли что!

В одном из серебряных вихрей, белевших впереди, обнаружился странный круглый предмет. Как будто кто-то менял колесо у гигантского

велосипеда и бросил старое посреди дороги. Правда, колесо вовсе не выглядело сломанным. Наоборот, было вполне ничего: упругое, блестящее, целое. Подойдя ближе, дети заметили, что влажная поверхность колеса тихонько шевелится, как будто внутри бьётся маленькое сердце.

— Это же змея! — крикнул Тау.

— Не подходи, — приказала Майя.

Да, это оказалась змея. По голубовато-зелёной коже были рассыпаны жёлтые и розовые крапинки, которые складывались в причудливые узоры, похожие на цветы. Змея спала. Всего удивительнее было то, что во сне она покусывала собственный хвост, будто собиралась проглотить саму себя.

— Дорога, а дорога! На тебе лежит змея. Как мы пройдем?

Но дорога могла ответить только на один вопрос: «Куда ты ведёшь?» — а всё остальное её как будто не интересовало.

У детей было два варианта: перешагнуть через змею, наступив в центр колеса, либо обойти её.

Но они решили поступить по-своему, а именно разбудить змею. Кто знает, может быть, она проснётся и отправится искать себе пропитание; может быть, она голодная, вот и кусает свой хвост — как ребёнок, который сосёт палец во сне.

Остановившись на почтительном расстоянии, дети осторожно потрогали змею веткой орешника.

Змея не пошевелилась.

Тогда они легонько пощекотали ей подбородок. Дедушка Друс однажды рассказывал, что под мордой змеиная кожа отличается особенной чувствительностью. Как-то раз точно таким же способом — пощекотав змее подбородок — он спасся от калабарии*.

Змея приоткрыла один глаз. Дети переглянулись. В следующий миг она разжала челюсти, и хвост заскользил наружу. Шло время, змея всё раскручивалась и раскручивалась. А хвост всё не кончался. Егохватило бы не на одну, а на целых три змеи! Оказывается, она была невероятно длинной!

* Калабария, или земляной питон, — неядовитая змея длиной около 1 метра, живущая в тропиках Африки.

Раскрутившись окончательно, змея немного полежала, будто о чём-то размышляла или спала с открытыми глазами. А потом широко, сладко зевнула. Пасть у неё оказалась розовой, как леденец. Зубов видно не было. Не успела змея захлопнуть пасть, как из глубины её бесконечного тела появилась ещё одна змея, поменьше. Когда эта вторая змея выбралась наружу, она сразу же поползла к хвосту первой змеи и принялась его покусывать. Со стороны она выглядела как щенок, который сосёт у мамы молоко. Но в следующее мгновение удивительное животное принялось этот хвост заглатывать: сначала сантиметр за сантиметром, а потом и метр за метром. Заглатывая большую змею, маленькая буквально на глазах становилась в точности такой же толстой и длинной. И всё глотала, глотала... Проглотила и голову большой змеи... Пока не добралась до собственного хвоста!

И вот посреди дороги лежала точно такая же змея, как первая: зелёная, поблёскивающая в лунном свете. Было заметно, что это долгое заглатывание очень её утомило.

Дети пришли в себя не сразу.

— Обойдём её по краю! — предложил Тау.

Так они и сделали. Луна освещала путь лучше всякого фонаря. И они торопливо зашагали по серебристой от лунной пыли дороге, по старой счастливой дороге, которой всего-то и нужно было, чтобы кто-нибудь время от времени её спрашивал:

— Куда ты ведёшь?

А она отвечала:

— Куда хочешь, туда и приведу. Я такая!

